

**ФИНАНСОВО-ИМУЩЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КАЗАХСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО,
КАЗАНСКОГО, САРАТОВСКОГО, ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ**

Қаржылай қамтамасыз ету зерттелініп отырған кезеңдегі қазақ студенттігінің қалыптасуының маңызды қозғаушы күші болды. Қазақ студенттігінде ақсүйектермен қатар, түрлі шен ортасынан шыққандар да болды. Студенттердің көбісі қаржылай қамтамасыз етілмегендіктен, қиындық көрді. Осындай жағдайлар қазақ ұлысындағы жаңа әлеуметтік топтардың қалыптасу процесін күрделендіре түсті.

In the process of administrative reforms in the XIX–XX-th centuries in the region the formation of new social groups in Kazakh society began. The category of Kazakh medical men differed by the scanty number and by different levels of professional specialization. Kazakh doctors and doctors' assistants worked in the sphere of offering medical service to the people of the region.

Важным фактором формирования казахского студенчества являлась стипендиальная форма обучения. Стипендии учреждались во всех регионах империи с целью финансирования юношей из малообеспеченных семей. Аналогичный метод вспомоществования был введен правительством для организации казахского студенчества. Стипендии, как правило, формировались из денежных взносов с казахского населения. Объективно претендентами на стипендию могли являться подающие надежды юноши из малообеспеченных семей. Однако по причине доминирующей официальной структуры учебного процесса казахские учащиеся прежде всего получали знания в аульной или волостной школе, впоследствии в городском училище, далее они имели право обучения в вузе. В действительности большинство юношей из аульной среды ограничивались обучением в начальной стадии по многим причинам, в том числе по факту дороговизны пребывания в городах. Интеллектуально-образовательной базы подобных учреждений оказалось недостаточно для пребывания в вузах. Поэтому в вузы поступали ученики, окончившие в большинстве случаев гимназии и реже семинарии. Определенную часть из них представляли выходцы из семей чиновников уже во втором поколении. Например, к таковым относились следующие стипендиаты: Нурмухамедов, Каратаев, Алдияров, Нуралиханов, Ж.Сейдалин (НАРТ. Оп.Л/Д.Д.29900.Л.13, Д.32559.Л.15, Д.29900.Л.13; РГИА. СПб.Ф14.Оп.3, Д.37347.Л.4). Таким образом, настоящими претендентами на стипендии и их фактическими обладателями становились зачастую персоны из престижных социальных сословий с определенным финансовым обеспечением и статусным положением родителей. В данной градации оказались возможны исключения по факту качества обучения студентов.

Процедура распределения стипендий зависела от государственных заслуг родителей претендентов на стипендию. Например, при выделении мест при Оренбургской гимназии право на обучение получили сын умершего инспектора школ Тургайской области И.Алтынсарина Габдулла и сын уряд-хорунжего султана Даулетгерее Ахмеда Джантурина Исен Галий (ЦГА РК. Ф-25. Оп.1. Д.467. Л.186 об). При таких обстоятельствах чиновники имели основания рассчитывать на социальные льготы за служебную деятельность.

В среднем годовой объем стипендии колебался в сумме от 300 — до 400 руб. В частности, финансовый объем тургайской стипендии им. Крыжановского составлял 350 руб. Стипендиальная сумма уроженца Внутренней Орды достигала 300 руб. Распределение финансовых средств зависело от необходимых затратных сумм на обучение и личных потребностей студентов. На примере студентов Санкт-Петербургского вуза возможно проанализировать финансовые расходы. Студенты в основном проживали на Васильевском острове, где располагалось дешевое жилье. Студент Ж.Сейдалин платил в месяц за комнату 11 руб. (РГИА.СПб.Ф.14. Оп.3.Д.37347.Л.2). В среднем 1год проживания на квартире студентам обходился в 100 руб.Уроженцу Тургайской области, студенту Казанского университета на проезд в одну сторону выделялось 25 руб., в дополнение к 50 руб. на «первое обзаведение», т.е. закуп вещей первой необходимости (ЦГА РК Ф.25.Оп.1.Д.1546.Л.1).

Годовая стипендия студентов ТГУ составляла в среднем 300 руб. Со всеми причитающимися расходами данных средств оказалось явно недостаточно для нормального жизнеобеспечения. Студент этого же вуза Джанайдаров в официальном обращении на имя ректора признавал собственную неплатежеспособность (ГАТО.Ф.102.Оп.4.Д.2105.Л.10). Стипендии высылались по частям, при этом сроки их высылки зависели от оперативности сбора финансовых сумм с населения. Представители казахской общественности в петициях и запросах на имя властей неоднократно сообщали о необос-

нованности расходов казахских общественных денег на нужды переселенцев или в меркантильных интересах местного областного начальства. Исходя из деловой переписки казахских студентов логичен вывод о недостаточности у них денег для безбедного существования.

Стипендиаты Сейдалин, Валихан, Каратаев относились к султанскому сословию, Ниязов был сыном войскового старшины. Выделенные фигуранты, равно как и многие другие казахские студенты, убедительно доказывали тезис о своей финансовой несостоятельности. В действительности, оклады служащих применительно к денежным запросам обучающихся казахских студентов оставались невысокими. Часть султанских семей теряла статусность состоятельных фамилий. Данный фактор подвиг юных аристократов к реализации собственных возможностей. Стипендии для их обладателей являлись весомым источником доходов. Например, сын прославленного офицера Альмухаммеда Сейдалина Жиганшах Сейдалин откровенно признавался о недостаточности пенсии отца, которая полностью затрачивалась на многодетную семью. Впоследствии участковый пристав Васильевского острова документально подтвердил «бедное» состояние Сейдалина (РГИА. СПб Ф.14. Оп.3. Д.37347. Л.2). Он ходатайствовал перед ректором университета об освобождении его от уплаты за прослушанный курс. По официальным подтверждениям директора Оренбургской гимназии, М.Каратаев признавался как малообеспеченный студент (НАРТ.Ф.977.Оп.Л/Д.Д.32559.Л.10).

По положению о распределении стипендии право на ее получение полагалось студентам с результативной успеваемостью. Таким образом, получавшие стипендии студенты при сложных обстоятельствах материального обеспечения показывали хороший результат, оправдывая возложенные на них надежды со стороны казахского общества.

В категории казахских студентов наблюдались единичные случаи отчисления их за неуплату. По этой версии в 1917 г. отчислился из СПУ Аббас Темиров (РГИА СПб Ф.14.Оп.3.Т.13.Д.38344.Л.2). Его отец Абдулла Темиров занимал ответственную должность в Тобольском суде и считался персональной обеспеченной. Вероятно, в данном случае весьма актуальной остается дата — период раскола и беспокойного положения в государстве, что, очевидно, подвигло студента Темирова покинуть СПУ.

Хроническое безденежье, сопровождаемое стрессовыми ситуациями, отражалась на здоровье студентов. В источниковых данных фиксируются многочисленные случаи заболеваний казахских учащихся в довузовский период. В городское время обучения юноши только адаптировались к совершенно иному режиму социальных отношений с непривычной системой питания и экономным распределением финансовых средств. На момент обучения в вузах студенты обладали необходимым опытом пребывания в городской среде. При этом наблюдались существенные отличия студенческого периода от довузовского времени казахских юношей во многих социальных сферах. Студенты проживали на съемных квартирах, в отличие от представленных им пансионатов интернатовского типа в довузовское время. Университетские города по территориальным масштабам и административной значимости отличались от провинциальных и областных центров. Для проживания в университетских центрах требовались дополнительные финансовые затраты.

Медицинские карты казахских юношей пестрят наличием инфекционных диагнозов. Динамика роста заболеваемости студентов вследствие слабости иммунитета сохранялась всю историю развития казахского студенчества в XIX – нач. XX вв. Этот фактор существенно влиял на процесс обучения. Например, Турлубаев из-за обострения ревматизма не смог вовремя приехать в Санкт-Петербурге (РГИА. СПбФ 4.Оп3.Д.34521.Л.7). Студент Саратовского университета Бийсенов по причине заболевания не имел возможности в установленные сроки сдать переводные экзамены, что представляло для него непредвиденные сложности (ГАСО Ф393.Оп.1.Д.2594.Л.6 об.). Накануне выпускных экзаменов заболел Ниязов. Степень заболевания эпидемным гриппом Ниязова оказалась велика, и он вынужден был уехать домой для лечения кумысом. Аналогичную процедуру лечения предложили специалисты Санкт-Петербургского клинического военного госпиталя страдавшему от тяжелого заболевания Ж.Акпаеву. Студент медицинского факультета Томского университета Джаксалыков ввиду слабости здоровья получил рекомендации медиков к продолжению лечения кумысом в степи. По этой причине он не успевал сдать экзамены в положенные сроки (ГАТО. Ф.102. Оп.2-ОЦ. Д.1340. Л.13). Формулировка «уехать в степь для лечения кумысом» довольно часто встречается в резюмирующем заключении медиков относительно лечения казахских юношей в городских училищах и вузах. Вероятно, медики осознавали относительную слабость приспособляемости этой категории студентов к хроническим перегрузкам в условиях городов. Процедура возвращения на родину подразумевала целый комплекс эффективного воздействия традиционно привычной пищи в сочетании с другими факторами релаксации организма казахов.

К сожалению, были фатальные исходы. Так, преуспевающий студент медицинского факультета Б.Юсупгалиев в 1916 г. скончался от сыпного тифа (ГАСО. Ф.393.Оп.1.Д.2503.Л.11 об.).

Немаловажную роль в процессе обучения студентов играл фактор семейного состава. Часть студентов были выходцами из многодетных или неполных, с потерей кормильца семей. В частности, султан Ж.Сейдалин в раннем юношестве лишился родителей. Вся его семья из 6 детей находилась на попечении мачехи. Искандер Валихан выступал с прошением об оказании ему помощи. По официальным сведениям столичной канцелярии на попечении его родителей находилось еще 3 детей и поэтому они не в состоянии оказались финансировать его обучение. Студент Саратовского университета Мирахмет Ниязов был выходцем из неполной семьи. Он рано потерял отца — Юсуфа Чумбаловича Ниязова, дослужившегося до чина войскового старшины Внутренней Орды (ГАСО.Ф.393.Оп.1.Д.2769.Л.4). Студент М.Каратаев в детстве лишился отца и рассчитывал только на себя.

Значительную роль в казахском обществе играли родственные связи. Протекционные связи на уровне родственных или семейных отношений идентифицировались казахами как существенный фактор в их дальнейшей социализации. Например, студент Ж.Сейдалин возлагал большие надежды на двух высокопоставленных казахских персон, обозначенных им как родственники отставного генерала Губайдуллы Чингис-Хана и гвардейского полковника Вали-Хана (РГИА. СПб.Ф.14. Оп.3.Д.37347.Л.1). Эти военные проживали в Петербурге, оказывая посильную помощь приезжим казахам. Сейдалин в официальных письмах называл одной из побудительных причин обучения именно в Санкт-Петербургском вузе наличие этих титулованных персон. Примечательно, что его брат планировал по окончании кадетского корпуса поступить в Михайловское артиллерийское училище. Помимо родственных связей, актуализировалась проблема социальной близости представителей султанских династий. В данном случае выявляется пример корпоративной солидарности казахских военных, так как отец Ж.Сейдалина А.Сейдалин возвысился прежде всего военными успехами и был известен указанным выше офицерам как успешный военнотружущий.

В процессе обучения практиковалась процедура перевода студентов с одной специальности на другую, из одного университета в другой. К подобным действиям прибегали многие казахские студенты. Мотивы переводов были разными. При этом студенты сохраняли заинтересованность в необходимости получения знаний. Например, в 1899 г. студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета Р.Марсеков ходатайствовал о переводе в Казанский университет на аналогичный факультет (ГАГА. Ф.430.Оп.10.Д.14.Л.2). Марсеков был уроженцем Семипалатинской области. Одной из главных причин перевода студента являлись материальные сложности. Поэтому перевод Марсекова в Казанский университет оправдывался географической близостью к Семипалатинской области. В результате перевода за студентом сохранялся соответствующий курс обучения.

Веской причиной перевода считалось освобождение стипендиальной квоты ввиду объективных обстоятельств. В частности будущие медики Байсенов и Исенгулов до перевода в Саратовский университет подавали документы в Московский университет. Окончательный выбор стипендиаты оставили на Саратове, находившемся на смежной территории с Уральской областью, к которой они относились (ГАСО. Ф.393. Оп.1. Д.1434. Л.5). Студент Саратовского университета Юсупгалиев по окончании 1-го курса перевелся в Казанский университет на 2 курс медицинского факультета. Мотив перевода Юсупгалиева заключался в назначении для него стипендии при Казанском университете (ГАСО. Ф.393.Оп.1.Д.2503.Л.10). Руководство вузов по итогам экзаменационных испытаний имело право назначения областных квотных стипендий преуспевающим ученикам. Очевидно, данный принцип распределения финансовых средств был одной из главных причин перемещения студентов.

Процедура переводов из одного учебного заведения в другое практиковалась казахскими учащимися в довузовский период. Например, уроженец Астраханской губернии Сабир Шарафитдинович Таначев обучался в Астраханской гимназии. Это вполне логично с учетом его региональной специфики. Впоследствии он перевелся в Омскую гимназию (ГАТО. Ф.102. Оп.2. Д.1340. Л.10). По окончании Омской гимназии он получил доступ в территориально ближайший Томский университет.

На медицинском факультете Казанского университета обучался Уали Шарафитдинович Таначев. По окончании 1 курса У.Таначев ходатайствовал о переводе на юридический факультет. У.Таначев был выходцем из Астраханской губернии, соответственно он окончил Астраханскую гимназию и продемонстрировал весьма высокие способности. Гимназический курс обучения Таначев проходил с 1899 по 1908 г. (ГАГА. Ф.430. Оп. 10. Д.19. Л.9.). В данном аспекте следует отметить, что его брат обучался в Томском университете. Расхождение в выборе вузов родственниками объясняется дефицитом финансовых средств, при которых только один из братьев мог претендовать на стипендию.

Уроженец Внутренней Орды Нуралиханов первоначально обучался на медицинском факультете Казанского университета. По окончании 1 курса он уволился. Согласно ходатайству Нуралиханов назначался помощником правителя 2-го Приморского округа. На период назначения на должность Нуралиханову исполнилось 22–24 года (ГАТО. Ф.102. Оп.4. Д.1763. Л.15). Очевидно, специалисты с

гимназическим дипломом оставались востребованными в бюрократическом делопроизводстве. Годовой оклад Нуралиханова составлял 250 руб. По уровню занимаемой должности и функциональным полномочиям он не уступал своему отцу. По документации он не имел собственного или приобретенного родового имени. Через непродолжительный период Нуралиханов, уволившись в отставку, изъявил желание приобрести вузовское образование (Там же).

В тот период он не состоял в браке. Социально-имущественный статус Нуралиханова не соответствовал былой статусности его отца, долгое время проработавшего на аналогичной должности. Не ограничивавшись достигнутым, С.Г.Нуралиханов вынужден был вновь продолжить свое образование, учитывая перспективность вузовских знаний. В 1906 г. он поступил на юридический факультет Томского университета на свободную стипендиальную квоту. Таким образом, Нуралиханов, будучи уроженцем Астраханской губернии, против всех правил выбрал далекий Томский университет, в котором доминировали уроженцы Акмолинской и Семипалатинской областей. В данном ракурсе следует отметить финансовое превосходство годовой стипендии казахских студентов над среднегодовым окладом служащих низового и среднего уровня административных структур и социальной сферы на значительную сумму. Но это оказались лишь видимые выгоды, так как в отдаленных от родных мест городах обучения сохранялась высокая затратность средств.

Уроженец Акмолинской области Сеилбек Джанайдаров в нач.ХХ в. поступил на юридический факультет Томского университета. По прошествии непродолжительного времени он оформил перевод в СПУ на юридический факультет (ГАТО. Ф.102. Оп.4. Д.680. Л.16). В отличие от Нуралиханова Джанайдарову наиболее близким был Томский университет. Главная причина перевода заключалась в получении стипендии. Будучи студентом столичного вуза, он на протяжении длительного времени хлопотал о выдаче ему «киргизской дополнительной стипендии». При этом он указывал на вероятную возможность получения стипендии, которая сохранялась в столичном вузе. Очевидно, данное правило не распространялось на Томский университет.

Выпускник Семипалатинской гимназии Нух Рамазанов первоначально учился в СПУ. В 1907 г. он ходатайствовал о переводе на медицинский факультет ректору ТГУ (ГАТО. Ф.102. Оп.4. Д.2105. Л.2). В СПУ он являлся студентом юридического факультета, в 1907 г. фигурировал в числе студентов-юристов ТГУ. Уроженец Баскунской волости Семипалатинской области Рамазанов имел веские основания для перевода в Томск. Как правило, финансовые сложности, вкуче с наличием свободной стипендии в Сибири, могли послужить реальным доводом в выборе решения.

В результате агитационной кампании, эффективность которой проявилась в дальнейшем совершенствовании выпускников вузов, усиливается стремление казахов в получении среднего и высшего образования. В период с 1897 по 1913 гг. существенно увеличивается численность казахской интеллигенции, происходит увеличение количества казахских студентов в 3 раза (Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия / М. — 1977. — С. 204.).

Таким образом, высшая сфера образования в имперском обществе при всей своей привлекательности оставалась недоступной для широких масс по фундаментальной причине финансовой дороговизны. Аналогичная тенденция сохранялась в национальной группе казахского студенчества. Реальным механизмом адаптации студентов являлись стипендии, функционировавшие по областному принципу. Количество стипендий носило регламентированный характер. Данный фактор в косвенной мере сказывался на незначительной численности казахских учащихся. Большая часть казахских студентов в соответствующих условиях закончила вузы.

Реалии второй пол. XIX в. обусловили включение казахских юношей в вузовскую систему образования. Казахские уроженцы осознавали престиж высшего образования как существенный фактор их дальнейшей эволюции в преобразующемся имперском обществе. В хронологический период второй пол. XIX – нач. XX вв. сложилась процедура формирования казахского студенчества, представленного различными социальными группами. Казахские студенты обучались на различных факультетах. Доминирующее большинство учащихся сохранялось на юридических факультетах. Вузовская модель образования сыграла существенную роль в эволюции категории казахских служащих. Именно на базе образованных по вузовским стандартам казахских граждан синхронно в этот период продолжался процесс формирования казахской интеллигенции, которая по служебному статусу, материальному обеспечению, общественным функциям оказалась тождественной группе служащих.